

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
UNIVERSITÄT HAMBURG
INSTITUT FÜR FINNOUGRISTIK/URALISTIK

А. Е. АНИКИН, Е. А. ХЕЛИМСКИЙ

САМОДИЙСКО–
ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

© Языки славянской культуры. Электронная версия книги. 2007

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2007

ББК 81.2Рус-4
А 67

Отв. редактор:
доктор филологических наук *А. М. Певнов*

Аникин А. Е., Хелимский Е. А.

А 67 Самодийско–тунгусо-маньчжурские лексические связи / Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; Universität Hamburg. Institut für Finnougristik / Uralistik. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 256 с.

ISBN 5-9551-0210-8

В книге охвачен и проанализирован материал лексических параллелей между самодийскими и тунгусо-маньчжурскими языками, отражающих по меньшей мере двухтысячелетнюю историю контактов между соответствующими общностями в различных частях Енисейской Сибири и прилегающих регионах. Значительная часть параллелей предлагается впервые. По возможности учитываются факторы дальней этимологии и ареальных или генетических связей с другими уральскими и алтайскими, а также палеоазиатскими и иными языками, что обеспечивает исследованию широкий евразийский лингвистический фон.

Материал стратифицируется по группам, соответствующим конкретным типам языковых контактов между самодийцами и тунгусо-маньчжурами. Излагаются этногенетические и историко-лингвистические импликации предлагаемых лексических сопоставлений.

Книга предназначена для специалистов, занимающихся языковой и этнической историей Сибири.

ББК 81.2Рус-4

ISBN 5-9551-0210-8

© Аникин А. Е., Хелимский Е. А., 2007
© Языки славянской культуры, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Введение.....	9
1. Предварительные замечания.....	9
2. Самодийско–тунгусо-маньчжурские лексические связи и их этноисторические импликации.....	14
3. К характеристике существующих работ по теме исследования.....	28
4. Сопоставления, не вошедшие в «Словарь».....	33
5. Группы самодийско–тунгусо-маньчжурских лексических параллелей.....	35
6. Замечания об историко-фонологическом аспекте исследования.....	39
7. Используемые источники и их цитирование.....	41
8. Строение статей в «Словаре».....	42
Словарь самодийско–тунгусо-маньчжурских лексических параллелей.....
Ia. ПС < ПТМ.....	47
Ib. ПС ~ ПТМ.....	53
Ic. ПТМ < ПС.....	64
Id. ПС ~ эвенк.....	71
Ie. Эвенк. < ПС (ПСС).....	74
Pa. Вост.-т.-ма. < ПС (ПСС).....	80
Pb. ПС ~ вост.-т.-ма.....	84
Pc. ПС < вост.-т.-ма.....	87
III. Сам. ~ (<) т.-ма.....	88
IVa. Сев.-т.-ма. < ПС (ПСС).....	94
IVb. ПС (ПСС) ~ сев.-т.-ма. (ПТМ).....	97
Va. ПСС (сев.-сам.) < ПТМ (тунг., сев.-т.-ма.).....	100
Vb. ПСС (сев.-сам.) ~ ПТМ (т.-ма.).....	108
Vc. ПСС (сев.-сам.) ~ (< ?) тунг. (ПТМ).....	120

Vd. Эвенк. < сев.-сам. (ПСС).....	130
VIa. Нен. < эвенк. (тунг., ПТМ).....	138
VIb. Нен. ~ эвенк. (т.-ма.).....	141
VIIa. Нган. < эвенк. (тунг.).....	143
VIIb. Эвенк. < нган.	148
VIIIa. Эн. < эвенк. (тунг.).....	149
VIIIb. Эн. ~ эвенк.	151
VIIIc. Эвенк. < эн.	152
IXa. Сельк. < т.-ма. (ПТМ, тунг.)	153
IXb. Сельк. ~ тунг. (т.-ма.)	161
IXc. Сельк. < эвенк.	167
IXd. Сельк. ~ эвенк.	175
IXe. Эвенк. < сельк.	180
IXf. Сельк. ~ (<) вост.-т.-ма.	187
IXg. Вост.-т.-ма. < сельк.	191
Ха. Саяно-сам. < тунг.	193
Хб. Саяно-сам. ~ тунг.	196

Приложение. Примеры сближений, не вошедших в «Словарь».....	198
--	------------

Сокращения

Литература. Источники	204
Языки и диалекты	220
Лингвистические и прочие термины.....	222

Указатель форм

Уральские языки	223
Алтайские языки	238
Юкагирский язык.....	252
Енисейские языки	253
Чукотско-корякские языки.....	253
Нивхский язык	253
Другие языки Азии	253
Индоевропейские языки.....	254
Ностратический праязык.....	255

ВВЕДЕНИЕ

1. Предварительные замечания

1.1. Основное содержание книги составляют «Введение», «Словарь самодийско–тунгусо–маньчжурских лексических параллелей» и «Приложение» (далее «Введ.», «Слов.» или «Словарь», «Прил.»).

2-й раздел «Введ.» дает общее представление об исследуемом материале и связанной с ним проблематике. В него включен минимум сведений о (пред)истории отношений самодийцев и тунгусо–маньчжуров герср. их (пра)языков, необходимый и достаточный для последующего изложения. Этот раздел представляет собой адаптированную к настоящему изданию и несколько расширенную статью Е. А. Хелимского «Самодийско–тунгуские лексические связи и их этноисторические импликации» (Хелимский УрАлт 1985 = Хел. 2000: 278—283).

Два следующих раздела «Введ.» содержат краткую характеристику существующей литературы по теме исследования (3) и пояснения относительно лексических сближений, относящихся к его теме или близких к ней, но не вошедших в «Слов.» (4). Далее задается и комментируется стратификация материала в «Слов.» (5), излагаются некоторые соображения, касающиеся историко-фонетического аспекта работы (6), даются сведения, касающиеся источников исследования и их цитирования (7), описывается строение словарных статей (8).

Три основные части книги по мере необходимости связаны взаимными отсылками, причем для словарных статей используется их номер по сквозной нумерации (см. об этом «Введ.» 8), который дается в квадратных скобках.

1.2. Характер настоящего исследования обуславливает очень частое использование указаний на языковую принадлежность анализи-

руемого материала, что в свою очередь влечет необходимость прибегать к использованию сокращений в названиях (пра)языков и (пра)диалектов во избежание громоздких наименований типа «пра-северносамодийский», «пратунгусо-маньчжурский» и их комбинаций, которые приводятся полностью лишь по необходимости.

Часть этих сокращений, по преимуществу те, которые используются — наряду с полными названиями — в настоящем «Введ.», представляется целесообразным раскрыть здесь же (прочие сокращения названий языков и диалектов, а также литературы и источников см. в конце работы):

сам. — самодийский: данные всех самодийских языков;

ПС — прасамодийский, реконструируемый язык-предок самодийских языков (реконструкции); также раннеПС — раннепрасамодийский и позднеПС — позднепрасамодийский;

сев.-сам. — северносамодийский: данные северносамодийских языков;

ПСС — прасеверносамодийский, реконструируемый язык-предок северносамодийских языков (реконструкции);

т.-ма. — тунгусо-маньчжурский: данные всех тунгусо-маньчжурских языков;

ПТМ — пратунгусо-маньчжурский, реконструируемый язык-предок тунгусо-маньчжурских языков (реконструкции); также раннеПТМ и позднеПТМ;

сев.-т.-ма. — севернотунгусо-маньчжурский, данные северных тунгусо-маньчжурских языков;

вост.-т.-ма. — восточно-тунгусо-маньчжурский: данные тунгусо-маньчжурских языков при отсутствии соответствий в эвенкийском;

тунг. — тунгусский: данные эвенкийского (пра- или древнеэвенкийского) и эвенского языков. В реконструированном варианте практически не отличим от реконструированного сев.-т.-ма. и ПТМ. В литературе, особенно западной, используется как синоним тунгусо-маньчжурского, что в настоящей работе не делается. Эвенкийский язык входит одновременно в тунг., вост.-т.-ма., сев.-т.-ма.;

ПУ — прауральский (реконструкции);

ПФУ — прафинно-угорский (реконструкции);

ПТюрк. — пратюркский (реконструкции);

ПМонг. — прамонгольский (реконструкции).

Различные комбинации используемых сокращений, относящиеся к сравнению между разными языками (сам.–т.-ма. — самодийско–тунгусоманьчжурский; ПС–ПТМ — прасамодийско–пратунгусо–маньчжурский и т. п.), как представляется, комментариев не требуют.

1.3. Уместно пояснить заранее условные обозначения:

- ~ (предполагаемая) связь, характер которой недостаточно ясен: заимствование (возможно, через некое посредство), происхождение из одного и того же источника (например, субстратного), генетическая связь (например, на урал.–алт. или nostr. уровне), вариантность;
- соотнесение языковых фактов, отвлекающееся от характера отношений между ними;
- < заимствовано из..., происходит из...;
- < заимствовано в..., развилось в...

В качестве условных обозначений заимствования знаки <, > являются, в сущности, уточнениями знака ~ (и –), внося в констатацию наличия связи между сравниваемыми фактами указание на ее вектор. Это обстоятельство существенно для эшелонирования предлагаемых этимологических решений по степени надежности (см. 8.2), поскольку возможны ситуации, когда связь (~) не вызывает сомнений, а направление заимствования (< или >) проблематично.

1.4. В настоящей книге естественным образом отразилось современное состояние ПС и ПТМ реконструкции (первая, как представляется, находится в более продвинутой стадии разработки, нежели вторая). Соответствующие проблемы связаны главным образом с вокализмом.

1.4.1. Вокалическая система, составляющая часть ПС реконструкции, разработанной Ю. Янхуненом (и с незначительными вариациями используемой во множестве публикаций по самоедологии и уралистике), выглядит следующим образом:

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>ĩ</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>	<i>ę</i>	<i>o</i>
<i>ä</i>			<i>a</i> или <i>ǎ</i>
	<i>â</i>		

В последнее время разработана новая концепция ПС вокализма (Хелимский FSHP 1993; Helimski Mik. Konf. 2005), уже получившая определенное распространение в самоедологии:

<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>ĩ</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>	<i>ę</i>	<i>o</i>
<i>ä</i> (или <i>ε</i>)		<i>a</i>	<i>â</i>
<i>ǣ</i>		<i>ǣ</i>	

В книге используется вторая из названных систем (с 13 гласными), но соответствующие ПС формы как правило сопровождаются в «Слов.» их вариантами по системе Ю. Янхунена — разумеется, кроме тех случаев, когда два варианта реконструкции совпадают. Во «Введ.» ПС реконструкции Ю. Янхунена не даются, хотя в некоторых примерах присутствуют ссылки на SW.

Кроме того, в работе периодически встречаются (также с соответствующими отсылками) ПС формы, отражающие промежуточные стадии эволюции от одной системы к другой (например, в Hel. 1997).

Важная особенность используемого варианта ПС реконструкции состоит в применении презентаций ПС форм типа **mäl-(suff.)*, указывающих на расширение той или иной связанной ПС основы различными суффиксами. Аналогичная презентация используется и для ПУ основ.

В реконструкции ПС консонантизма принципиальных отличий от системы Ю. Янхунена нет. Можно отметить, что графема *c* выступает как упрощенное обозначение постдентальной (церебральной) непалатализованной аффрикаты, более точным обозначением которой является *ç*.

При неясности реконструкции или допустимости различных вариантов используются альтернативные символы (по Ю. Янхунену — «архиграфемы», см. SW: 14). Таковыми являются:

а) для гласных в системе Ю. Янхунена:

$*\partial^1 = *\hat{\partial}, *\hat{a}$	$*e^1 = *e, *e$
$*\partial^2 = *\hat{\partial}, *\hat{a}$	$*i^1 = *i, *i$
$*\hat{a}^1 = *\hat{a}, *\hat{a}$	$*o^1 = *o, *ö$
$*\hat{a}^1 = *\hat{a}, *e$	$*u^1 = *u, *ü$
$*z$ — гласный неясного качества	

б) для гласных в пересмотренной системе

$*\partial = *\hat{\partial}, *\hat{\partial}$	$*e^1 = *e, *e$
$*\partial^1 = *\partial, *\hat{a}$	$*i^1 = *i, *i$
$*\partial^2 = *\partial, *\hat{a}$	$*i^2 = *i, *e$
$*\partial^3 = *\partial, *a$	$*o^1 = *o, *ö$
$*\hat{a}^1 = *\hat{a}, *a$	$*u^1 = *o, *ü$
$*\hat{a}^1 = *\hat{a}, *a$	

в) для согласных (обозначения, введенные Ю. Янхуненом):

$$\begin{array}{ll}
 *j^1 = *j, *ñ (*jn) & *t^1 = *c, *t \\
 *n^1 = *n, *ñ & *t^2 = *c, *s, *t \\
 *n^2 = *n, *ñ & *t^3 = *c, *k, *s, *t \\
 *s^1 = *k, *s (*ś) & *w^1 = *m, *w
 \end{array}$$

1.4.2. Что касается ПТМ языка, то предпочтение в книге отдается, в общем, реконструкции вокализма, принятой в EDAL (А. В. Дыбо, С. А. Старостин, см. о ПТМ фонологической системе в EDAL: 156—163). В ней выделяются монофтонги

$$\begin{array}{ccc}
 i & \ddot{i} & u \\
 e & o & \\
 & a &
 \end{array}$$

В ПТМ существовали дифтонги (во всяком случае, $*ia$ или, возможно, дифтонгоид $*i^i a$) и долгие гласные. Реконструкция и выявление отражений последних затрудняется нерегулярностью фиксации долгот в имеющихся источниках по т.-ма. языкам.

Важно подчеркнуть (ср. EDAL: 156), что ПТМ язык, по-видимому, не имел гармонии гласных того типа (по ряду), которая была присуща ПТюрк. и ПМонг. языкам.

Тем не менее, есть сомнения по поводу того, насколько успешно реконструкция EDAL позволяет решить некоторые сложные проблемы т.-ма. вокализма. С учетом ПТМ реконструкции Й. Бенцинга (Benz.), отличающейся от приведенной выше, в частности, обозначениями $*\ddot{a}$, $*\bar{a}$, $*\ddot{o}$, \bar{o} , $*\ddot{u}$, $*\bar{u}$ (см. подробнее Benz.: 20—27), можно говорить о проблеме ПТМ $*\ddot{o}/*u/*\ddot{u}$, которой (и смежным) была посвящена специальная работа Г. Дёрфера (Doerfer *Tung.* 1, 1978), где, правда, затрагивается лишь очень небольшая часть т.-ма. материала, рассматриваемого в настоящей книге. По названной и другим причинам в настоящей книге привлекаются (учитываются) реконструкции, принадлежащие Й. Бенцину или ориентированные на его систему вокализма.

Что касается т.-ма. (и сам.) консонантизма, то его трактовка в предлагаемой книге осуществляется, так сказать, в рабочем порядке, см. в статьях «Слов.».

1.4.3. Квадратные скобки в реконструкциях (например, $*j[\ddot{a}]$, $*n[\ddot{o}]k\bar{a}$) выделяют сегмент, вызывающий сомнения.

2. Самодийско–тунгусо-маньчжурские лексические связи и их этноисторические импликации

2.1. Достижения последних десятилетий в лексикографической и этимологической разработке сам. и т.-ма. материала, в особенности такие труды, как SW (1977 г.) и ТМС (1975—1977 гг.), позволяют уточнить и существенно расширить предлагавшийся в литературе список сам.–т.-ма. сопоставлений. Их пополненный перечень показывает, что по суммарному числу параллелей в сам. лексике т.-ма. языки уступают только финно-угорским. Такую ситуацию можно считать закономерной, — учитывая сочетание определенного числа исконно общих элементов — наследия ностратической, восточно-ностратической и (возможно) урало-алтайской эпох — с языковыми следами длительных взаимодействий вдоль сам.–т.-ма. этнической границы, пересекающей с юга на север всю Сибирь.

В настоящей работе представлен корпус материала, включающий фактически более 300 предполагаемых лексических параллелей контактного происхождения. Значительная их часть ранее не рассматривалась или интерпретировалась по-другому.

Оценивая состав и особенности обсуждаемых ниже («Введ.» 5) групп сам.–т.-ма. лексических сопоставлений, нетрудно убедиться, что эти сопоставления весьма неоднородны с точки зрения хронологии и языкового охвата и при этом различаются по степени надежности («Введ.» 8). Трудности, возникающие при стратификации сам.–т.-ма. параллелей, обуславливают приблизительность соответствующих количественных показателей. Каждый такой показатель приходится представлять в виде двух цифр. Первая из них обозначает количество надежных, по мнению авторов, сближений данного типа, вторая (в скобках) — количество допустимых (но не вполне надежных).

Наиболее многочисленными являются следующие типы связей: между ПС и ПТМ (<, > и ~) — около 20 (более 30) параллелей (см. «Введ.» 5.3); между ПСС и ПТМ (<, > и ~) — более 20 (около 15); ПТМ и эвенк. заимствования в сельк. — около 20 (до 25); заимствования в эвенк. из ПС/ПСС и отдельных сам. языков — более 20 (более 15).

Во многих случаях вопросы о наличии связи и/или направлении заимствования, не говоря о деталях этимологии, еще требуют дополнительной аргументации и изучения.

Многочисленность и разнообразие соответствий делают их чрезвычайно важным (и пока еще мало использованным) источником

для изучения как внутренней, так и внешней истории сам. и т.-ма. языков. Ниже внимание сосредоточивается на втором из этих аспектов. При этом некоторые этимологии (и группы этимологий) рассматриваются с точки зрения тех внешних предпосылок, которыми могли быть обусловлены соответствующие заимствования.

Вопреки преобладающему мнению об относительно позднем характере сам.-т.-ма. лексических связей (Janhunen MSFOu 158, 1977: 127) существует более правильная, как представляется, точка зрения, согласно которой интенсивные контакты имели место еще в эпоху, предшествовавшую распаду самодийского и тунгусо-маньчжурского праязыков, т. е. до рубежа новой эры (Futaky MSFOu 185, 1983: 91—92; Futaky UL 1988: 784). Особенно показательна этимологическая общность ряда элементов базисной, сравнительно слабо проницаемой лексики, ср.:

ПС **ńa* ‘друг, брат, сестра’ ~ ПТМ **niā* ‘человек, мужчина, некто’ [17];

ПС **kājwə* ‘бок, сторона’, **kājwəti(-)* ‘ребро’ ~ ПТМ **xew-un (-ön?)* ‘бок, сторона’, **xewte* ‘легкое’ (примечателен параллелизм как производящих основ, так и дериватов) [29, 30];

ПС **op* ‘один’ ~ ПТМ **up-kat*, **up-kal* ‘весь, все, целый’ [20];

ПС **jāppə-* ‘быть горячим’ ~ ПТМ **jep(p)u (-ö?)* ‘теплый’ [87];

ПС **māncz-* ‘смотреть’ ~ ПТМ **mūnsi-* ‘смотреть’ [89].

Отсутствие у перечисленных (и ряда других) слов надежных ПУ (с сам. стороны) или ПАлт. (с т.-ма. стороны) этимологий затрудняет установление языка-источника, оставляя открытой возможность влияния какого-то третьего языка, субстратного по отношению к ПС и ПТМ.

Определение относительной (а по возможности и абсолютной) хронологии фонетических изменений в обоих праязыках позволило бы по лингвистическим данным датировать начало сам.-т.-ма. контактов. Во всяком случае, начальная стадия одного из таких изменений (ПУ **s*, **š* > ПС **t*) относится, видимо, не позднее чем к началу I тыс. до н. э. (Хел. 1982: 125).

Вместе с тем имеется несколько заимствований, которые должны были иметь место до этого изменения, ср.:

ПТМ **saja(n)* ‘промежуток (между пальцами)’ (< ‘палец’) < раннеПС **sājä* ‘палец’ (> ПС **tājä* > мат. *taja* и др.) < ПУ **sud*’з [40];

ПТМ **sire* (*šire*) ‘родник, ключ’ < раннеПС **šārə* ~ **šār* ‘то же’ (> ПС **tārə* ~ **tār* > сельк. *tērə*) < ПУ **šār* ‘ручей’ [64];

раннеПС **sālkā* ‘развилка’ (> ПСС **l’ālkā*) < ПТМ **salga(n)* ‘промежность, развилка’ [7].

2.2. Решающим аргументом для локализации прародины самодийцев (как и при определении уральской прародины, см. в работах П. Хайду) служат названия хвойных деревьев. Самодийский праязык сохраняет уральские названия основных хвойных пород — ели (ПС **kãt* < ПУ **kaws(ə)*, ср. SW: 61; UEW: 222), кедра *Pinus sibirica* (ПС **tj̄t̄eŋ* [41] < ПУ **siks̄s*, ср. SW: 160; UEW: 445), пихты (ПС **ñulkã* < ПУ **ñulk̄s*, ср. SW: 112; UEW: 327), сосны (ПС **j[ã]* < ПУ **jzw̄s*, ср. SW: 42; UEW: 107; Hel. 1997: 229, № 194). Столь замечательная сохранность этой группы лексики позволяет утверждать, что на протяжении всей прасамодийской эпохи (III — середина I тыс. до н. э.) носители праязыка не покидали зоны тайги.

На распространение ПС языка накануне распада праязыковой общности в таежной зоне также указывают присутствовавшие в нем названия лиственницы (**to¹jmã*, см. SW: 164), и ряда таких животных и птиц, общим ареалом обитания которых могла быть только тайга: гагары **ñuən̄s̄* [18], кедровки **kas̄rã¹* (ср. [219]), глухаря **sãŋka*, росомахи **wiŋkãnc̄s̄* (ср. [148]), соболя **ki*, летяги **pens̄o(j)* (ср. SW: 65, 69, 112, 121, 140, 176), а также выдры **tãt*, горноста́я **piñz*, козули или дикой козы **pãjt¹z*, горного козла **munt¹o*, северного оленя (домашнего, ездового) **cãz* (Хел. 2000: 15, 285—286)¹. По-видимому, следует думать скорее о южной и близкой к предгорьям полосе тайги.

Наличие общих изоглосс фонетического развития (**s*, **š* > **θ* > *t*, см. выше; **ś* > **s*) позволило предположить, что сохраняющийся с более или менее значительными трансформациями до наших дней ареал самодийско-угорского языкового контактирования сформировался не позднее середины I-го тыс. до н. э. — времени распада угорской языковой общности и выхода правенгров из данного ареала. Представляется естественным локализовать этот ареал применительно к I-му тыс. до н. э. в окрестностях Обь-Иртышья, отводя уграм его западную часть, а самодийцам — восточную.

Установление самодийско-тюркских языковых связей, по-видимому, предшествовало разделению пратюркского языка на «общетюркскую» и болгарскую ветви (видимо, в первые века н. э.). Контакты могли возникнуть в результате продвижения тюрков на север, в степную и лесостепную зону Западной Сибири. Можно указать, в частности, на правдоподобные заимствования культурной лексики в

¹ Последний термин может служить аргументом в пользу мнения о приоритете самодийцев в доместикации северного оленя и о Саянах как вероятном центре доместикации.

прасамодийский из пратюркского: ПС **jür* 'сто' < ПТюрк. **jūr* (> **jūz*), ПС **kän* 'ножны' < ПТюрк. **kyn* (см. также СИГТЯ 2006: 785—786).

Указанные и другие данные (Хелимский ПЭЭС 1983; Хел. 1988: 8—20; Хел. 2000: 13—25) делают наиболее правдоподобной локализацию прародины самодийцев в регионе между Средней Обью и Енисеем, ориентировочно — вокруг треугольника «Томск — Красноярск — Енисейск». Естественно, если территория их поздней прародины была достаточно велика, то она могла полностью или частично включать и некоторые сопредельные регионы: северную часть Обь-Иртышского междуречья, северный Алтай, Присаянье, территории к востоку от Среднего Енисея, бассейны Сыма и Ваха.

Полностью исключенными представляются гипотезы, локализирующие прародину самодийцев накануне эпохи распада в Приполярной Европе или в Приуралье.

Предложенная интерпретация не противоречит широко распространенным в археологической литературе недавнего времени предположениям о самодийской принадлежности культур эпохи железа в Томско-Нарымском Приобье. Менее перспективными представляются попытки показать аналогичную принадлежность резко различающихся между собой кулайской (в Среднем Приобье)² и тагарской (в Минусинской котловине) археологических культур.

Установление контактов между ПС и ПТМ языками могло явиться следствием продвижения самодийцев из Обь-Иртышья или какого-то иного региона в таежной зоне Западной Сибири на восток и их приближения к территории прародины тунгусо-маньчжуров. Следует иметь в виду бесспорные свидетельства более древних уральско-тунгусо-маньчжурских языковых связей, например, такие известные параллели, как ПУ **suksz* 'лыжи' ~ ПТМ **suksz* (ср. якут. *tūt* 'подбитые шкурой охотничьи лыжи' < сам., ср. ПС **tutä* < *ПУ **suksz*), ПФУ **šijere* или **šijer* 'мышь' ~ ПТМ **šijere*, ПУ *tuktz* 'перекладина в лодке' ~ ПТМ **takta* 'борт лодки' (Janhunen JSFOu 77, 1981: 236; Futaky MSFOu 185, 1983: 90, 94; Хелимский СФУ 20, 1985: 289; Хел. 2000: 195, 307).

Археологические данные подтверждают древнейшие тесные связи между пешими таежными охотниками — носителями культур,

² Принимая предложенную выше локализацию прародины самодийцев, В. В. Напольских, однако, соотносит ее именно с кулайской культурой (Нап. 1997: 83).

распространенных в упоминаемых здесь регионах. Начало становления этноса — носителя ПТМ языка — происходило, по всей вероятности, в среде охотников неолита байкальской (А. П. Окладников) культуры. На средних этапах неолита в горно-гольцовых районах южного Прибайкалья стали обособляться охотники, а к югу и юго-востоку от них — начинающие приручение мелкого рогатого скота предки тюрков и монголов (ср. Вас. 1969: 39)³.

Логичным выглядит допущение, согласно которому пратунгусо-маньчжуря Прибайкалья находились между территорией проживания самодийцев Обь-Енисейского региона и местами расселения прамонголов — по-видимому, в Восточной Монголии (ср. Sinor RAL 1975: 262)⁴. Имеющиеся примеры предполагаемых ПС–ПМонг. лексических параллелей⁵ не сопоставимы по своему объему и разнообразию

³ Не следует игнорировать, разумеется, другие гипотезы возможной локализации прародины тунгусо-маньчжуров — в Забайкалье, в Маньчжурии и Приамурье или в центральных областях Китая (см. Нап. 1997: 163, с литературой). Следует однако заметить, что эти гипотезы не позволяют достаточно естественно объяснить весьма вероятную древность и интенсивность сам.–т.–ма. контактов. В концептуальном отношении они нередко весьма уязвимы для критики — так, например, маньчжурская локализация т.–ма. прародины у Ю. Янхунена (Janh. 1996) оказывается частью более чем спорного представления о Маньчжурии и ее ближайших окрестностях как общей прародине ряда языковых семей, включая протокитайскую («Sinitic»), тюркскую, монгольскую, амурскую (нивхскую), корейскую и японскую.

⁴ С данной точкой зрения согласовывалось бы существование монг. заимствований, проникших в ПС через ПТМ посредство. Правда, бесспорные примеры этого рода пока не найдены (ср. [166, 195]?), что едва ли следует считать большим недостатком развиваемого в настоящей книге понимания сам.–т.–ма. лексических отношений. Недостаточно убедителен приводивший в этой связи пример с ПС **ton* или **toǝn* ‘число’ (> ‘сто’) при ср.-монг. *to’an* ‘счет’ и маньчж. *тон* ‘число, счет’, ср. также тюрк. *tō* ‘число, счет’ (Хел. 2000: 19, 280, 285; ТМС II: 162), так как монг. версия не дает объяснения однокоренным сам. глаголам счета/чтения. По поводу еще одного примера этого рода (ПС **jǝsen* ‘силок’) см. «Прил.» 3.

⁵ Их обзор см. Janhunen MSFOu 158, 1977: 124 (есть указания и в SW); Терентьев JSFOu 88, 1999: 190—191; EDAL: 17—19. Из примеров этого рода ср. ПС **kiiŋ* или **kiiŋ* ‘пуп’ при п.-монг. *kii* (Joki 1952: 283—284), ПС **rajmā* ‘сапог’ при п.-монг. *oimasun* ‘носок, чулок’ (Joki 1952: 134—136; Пор. 1960: 67). В последнем случае речь явно идет о бродячем и/или культурном слове, ср. рус. *тумы* и т. п. (Фасм. III: 262; Ан. 2000: 447—448). Возможно, что ПС лексема из ПТюрк. **balmak* ‘вид обуви’ (Терентьев JSFOu 88, 1999: 183, 193; СИГТЯ 2006: 786), см. «Введ.» 6.1, прим. 25.

разию с прасамодийско–пратунгусо-маньчжурскими (относительно велик пласт сам.–монг. параллелей, относящихся к более позднему времени, ср. монголизмы в саяно-самодийских языках).

Более детальное исследование лингвистического аспекта данной проблематики, как представляется, должно включать критический анализ общей идеи, согласно которой все культурные и лексические влияния шли в центральноазиатском ареале неизменно по цепочке «тюрк. > монг. > т.-ма.» (Хел. 2003: 143). Отыскивается все больше данных, указывающих на возможность и перспективность исследований, исходящих из более самодостаточной и активной, нежели считается обычно, роли тунгусо-маньчжурского этноязыкового компонента в истории Евразии⁶. Истоки сибирских бродячих *gesp.* культурных слов нужно искать и в тунгусо-маньчжурских языках, а, скажем, не только в тюркских и монгольских.

Прародину тунгусо-маньчжуров (по крайней мере, для начала новой эры) вслед за А. П. Окладниковым чаще всего связывают с областью неолитической культуры Прибайкалья (возможно, и Забайкалья), включая его западную часть (следует, конечно, иметь в виду сложности, связанные с суммированием лингвистических, археоло-

Некоторые дополнительные результаты по данной тематике содержатся в работах Е. А. Хелимского (например, в Hel. 1997). Примером может служить этимология, согласно которой названное выше ПС **сэз* стало источником монг. *цаа* ‘северный олень’ (Хел. 2000: 286). Из предварительных сопоставлений в картотеках Е. А. Хелимского ср. следующие: ненТ *mäedä-* ‘хромать’ и др., ПСС **mäjt-* и п.-монг. *maižiyar* ‘кривоногий’ (ср. ТМС I: 520); ПСС **sikä* ‘узкая часть, запястье, щиколотка’ и п.-монг. *siya(n)* и др. ‘лодыжка, щиколотка’ (ср. ТМС II: 56); ненТ (Тер.) *tensä-* ‘быть беспамятным, забывчивым’, энТ *tenise(de)* ‘быть глупым’, сельк. *tenikijil’* ‘глупый’, ПСС **teni-ka* (ср. SW: 157) и монг. (< ? сам.) *teneg* ‘глупый’; ПС **t’ok-* ‘учиться’ (SW: 165) и п.-монг. *toyala-* ‘считать’ (ср. ТМС II: 195; монг. лексему ср. с упомянутым выше ср.-монг. *to’an* ‘счет’). Из сравнений между отдельными языками можно упомянуть: сельк. Таз *kerj* ‘аргиш, семья’ и п.-монг. *ger* ‘юрта’ (ТМС I: 453); сельк. *toqaral’* ‘пестрый’ и ср.-монг. *čöqur* ‘то же’ (ТМС II: 403); сельк. *kī* ‘счастье, удача’ и п.-монг. *xubi* ‘часть, доля’ (ТМС I: 403). См. также «Прил.» 7, 15. Монг. факты не случайно цитируются по ТМС, см. там параллельные т.-ма. данные. Особый случай представлен в сельк. Таз *ula* ‘подвода’ < рус. сиб. **ула* < монг. (Кузнецова Ad font. 2006; Ан. 2003: 633).

⁶ Ср., в частности, правдоподобные свидетельства доминирующей роли т.-ма. компонента в Аварском каганате. К ним относятся и т.-ма. этимологии известных в слав. языках лексем типа др.-рус. *объре*, *бояре*, *хоругвь* и др. (Хел. 2003).

гических и иных данных по рассматриваемой проблеме, см. Doerfer Tung. 3, 1985: 169—173, 270—273, 286—297 и др.). Г. М. Василевич конкретизирует это положение указанием на серовский этап неолита в горно-гольцовой зоне Прибайкалья, примыкающей к Байкалу с юга (Вас. 1969: 40).

Авторы книги склонны связывать распространение т.-ма. языков на Дальнем Востоке от Охотского побережья до Маньчжурии с миграциями из более западных регионов (включая Предбайкалье) в первые вв. н. э. Толчком для них должна была послужить миграционно-завоевательная активность «гуннской» эпохи. По-видимому, традиции такого рода активности и были сохранены т.-ма. военно-государственными образованиями последующих веков, сыгравшими огромную роль в истории не только маньчжурско-приамурского региона, но также Китая, Великой Степи и даже Восточной Европы (жуаньжуани-авары, чжурчжэни, маньчжуры).

Возможно, миграционный процесс осуществлялся в виде ряда однонаправленных волн переселения. При этом следует полагать, что в первом тысячелетии до н. э. западнее Байкала до Енисея жили предки не только эвенков, но и «восточных» тунгусо-маньчжуров, языки которых (вост.-т.-ма., см. «Введ.» 1.2) обнаруживают более или менее правдоподобные и многочисленные следы контактов с самодийскими. Разумеется, при рассмотрении вопроса о древнейшем расселении тунгусо-маньчжуров следует учитывать их традиционную чрезвычайно высокую подвижность и говорить не столько о прародине (нем. *Urheimat*), сколько об области первоначальных миграций — нем. *Urwandergebiet*, по удачному выражению К. Менгеса (Meng. 1968a). Таким образом, прародина тунгусо-маньчжуров (например, в ее понимании у Г. М. Василевич) могла охватывать и огромные сопредельные пространства Средней и Восточной Сибири.

Во всяком случае, выйдя к Енисею, прасамодийцы уже застали там пратунгусо-маньчжуров. Об этом говорит ПС название Енисея — **jäntäsš* (нен. *Jen(ä)śa-jam*⁷, эн. *D'edoši*⁷, нган. *D'entädiä*, сельк. южн. *Nandesī*⁷ (в записях Г. Ф. Миллера сельк. (Кеть) *Niandesī* или *Jandesī*, также *Njändesi*, *Njänsi*, Мил. 2006: 303), которое скорее всего заимствовано из ПТМ **jendesī* [1]. Этноисторические импликации данной этимологии весьма существенны.

С одной стороны, она доказывает, что прибайкальская прародина тунгусо-маньчжуров достигала на западе Енисея, с другой — что со-

⁷ С отражением влияния языка типа камасинского, см. «Введ.» 5.3.

хранение заимствованного самодийцами названия Енисея с его исходной географической соотнесенностью было бы нереальным при удалении от бассейна этой реки в ходе дальнейших миграций. Примером тому служит судьба ПС **jäntäsš* в тазовском диалекте селькупского языка, где его рефлекс *č̣ñtj̄s* означает 'большая водная гладь, водное пространство до горизонта; море, морской залив' (ср. в записи Г. Ф. Мальцева *толь-чандысь-колды = pül' č̣ñtj̄s goltj̄* 'Енисей', где это слово уже служит описательным компонентом названия реки — наряду с *pül'* 'каменный' — а не ее собственным именем, NSW: 42⁸) и встречается в фольклоре как название места сказочного действия. По всей вероятности, название Енисея превратилось в географическую мифологему еще в тымско-ваховский период истории тазовских селькупов. Здесь же можно указать и вероятный перенос названия Енисея на Иртыш или Конду в диалекте лесных ненцев (ср. ненЛ *Jeńsa kārβat* 'Кондинск').

Следует поэтому предполагать следующие обстоятельства, обеспечивающие сохранность семантики рассматриваемого гидронима:

а) к моменту распада ПС языковой общности прародина самодийцев или включала в себя часть бассейна Енисея, или прилежала к нему;

б) в ходе дальнейшего расселения северных самодийцев они не удалялись от Енисея на значительное расстояние, а, скорее всего, продвигались на север вдоль течения этой реки (так же, как позднее кеты) — а, например, не вдоль Оби;

в) близко от Енисея обитали на всем протяжении своей истории и южные селькупы.

2.3. Прасеверносамодийский язык проник в приполярный регион не позднее середины первого тысячелетия н. э. (по глоттохронологической оценке нен. и нган. языки разошлись более чем 1,5 тысяч лет тому назад). Дивергенция трех позднейших сев.-сам. языков, носившая, по-видимому, постепенный характер (в отличие от предполагаемого резкого распада прасамодийской языковой общности, скорее всего под внешним воздействием, см. Хел. 1982: 45—46) происходила в основном уже в районах их современного распространения в зоне тундры и не в условиях взаимной изоляции, а при

⁸ В низовьях Енисея встречаются места, где ширина реки достигает 60 км., другой берег не виден. Восточный = правый берег Енисея каменистый в отличие от заболоченного левого, ср. известные в языках Западной Сибири названия этой реки как 'каменистой (каменной)', а также востока как 'каменной стороны' (Оч.-1: 19; Ан. 2000: 245—246).

сохранении тесных маргинальных контактов. Наиболее вероятным районом первичного расселения (сыгравшим роль центра дивергенции) было нижнее течение Енисея.

Расселяясь в циркумполярной зоне, северные самодийцы вступали в постоянные культурные и торговые контакты с южными соседями — в том числе с выделившимися из ПТМ общности тунгусами (эвенками). Воинственные, склонные к дальним вылазкам эвенки с их характерной военной татуировкой — «шитыми лицами» (*писанные рожи* старых русских документов)⁹ постоянно фигурируют в фольклоре всех северносамодийских народов как наиболее опасные враги (Хел. 2000: 30).

Для сев.-сам. языков, особенно нганасанского, по сравнению с другими самодийскими наиболее актуален вопрос о потенциальном субстрате, практически выражающийся в наличии лексики, лишенной как внутрисамодийской, так и адстратной этимологии (Хел. 2000: 23—24). В нганасанском словарном фонде, а также мифологии и материальной культуре обнаруживается много элементов несамодийского происхождения, свидетельствующих о сильном воздействии местных традиций (Грач. 1983: 6)¹⁰.

Наличие определенного числа ПСС–ПТМ (или практически не отличимых от них ПСС–тунг. *гесп.* ПСС–пра- или древнеэвенкийских) параллелей свидетельствует о сохранении, а возможно, и об активизации контактов северных (в то время, вероятно, еще восточных или северо-восточных) самодийцев с пратунгусо-маньчжурами после распада самодийской языковой общности. Представляется, что

⁹ Ср. нган. *хоро-сочема* (= *horə soʃətmə*) ‘татуированное, «шитое» лицо — название южных соседей нганасан’ (Долг. 1976: 306—307), ст.-юкаг. *njātscherila* ‘эвенки’, т.е. ‘вышитые лица’ (Хелимский HSFМ 3, 2005: 37), якут. Колыма *tiḡān omuk* ‘народ с татуировкой на лице’, эвен. (низовья Индигирки) *hūldiča* ‘тундренный тунгус-юкагир’ = ‘татуированный’ (ТМС II: 345; Ан. 2000: 422). См. еще Симч. 1976: 55. По отношению к эвенкам в современной поэзии изредка употребляется как историзм слово *шитолицы*: Газету «Таймыр» | Читают до дыр | Многочисленные ненцы, | Малочисленные энцы, | Православные долганы, | Шаманисты нганасаны, | Шитолицы эвенки, | Но особенно Левенки (шутливое стихотворение Е. А. Хелимского; украинский поэт А. Левенко — главный редактор газеты «Советский Таймыр», в постсоветское время «Таймыр» (Дудинка), в которой в 80—90 гг. XX в. интенсивно сотрудничали также сын и жена редактора).

¹⁰ У нганасан и тундренных энцев охота на дикого оленя не уступала по своей значимости домашнему оленеводству, в чем также могли отразиться хозяйственные приоритеты субстратного населения (Хел. 2000: 30).

продвижение самодийцев на север (вдоль Енисея) проходило по территории, уже частично заселенной какими-то периферийными группами пратунгусо-маньчжуров.

Наиболее интересны в этом плане, по-видимому, следующие два заимствования (показательно, что они имеют именно ПСС, а не ПС характер, см. Нап. 1997: 83), связанные со специфически циркумпольными природными реалиями:

ПСС **jaŋor* 'тундра' < ПТМ **jaŋ(ur-)* 'безлесная гора' [99];

ПСС **kârpâ* 'северное сияние' < ПТМ **garpa* 'луч (солнца)' = **garpa-* 'излучать свет, сиять' < 'стрелять из лука' [95].

Заслуживает особого внимания обозначение эвенков в южных и центральных селькупских диалектах: *kyelom* и под. Допустима его связь с ПТМ **kêlûme* (**kêlõme?*) или **kêlēme* 'слуга, работник' [196], а отсюда и принадлежность к довольно обширному этимологическому разряду этнонимов, источниками или дериватами которых являются обозначения слуг (рабов) и которые возникали как отражение архаического института военного рабства (из территориально близких семантических аналогий ср. нен. *χăb'i* 'остяк', 'слуга, раб').

Возможно, именно из речи пленных тунгусов, живших среди селькупов, или же от захваченных женщин, были усвоены такие высокочастотные и совершенно не терминологические слова, как сельк. *qaj* 'что' (ср. ПТМ **xai* [198]), *aš*, *ašša* 'не' (ср. ПТМ **ā-* со значением отрицания и дериваты типа эвен. *āčča*, уд. *анчи* 'нет, отсутствует' [190]). Аналогичные предположения могут быть сделаны и в отношении целого ряда других фактов.

Сходным образом, в сев.-сам. языках соответствующая сфера лексики оказалась проницаемой для т.-ма. заимствований: нен. *ŋăwĭ*, *ŋătgĭ* 'что', энЛ *obu* отражают ПТМ **xawū*/**xawgū* [93], дериват от той же вопросительной местоименной основы, что и упомянутое **xai*. Различная рефлексация ПТМ **x-* > сельк. *q-* при ПСС **θ-/**ŋ- имеет место и в других необщесамодийских заимствованиях из т.-ма.

Довольно многочисленные лексические совпадения наблюдаются между сам. и вост.-т.-ма. языками. Естественно, здесь мы можем иметь дело с реликтами наследия ПС–ПТМ контактов или со следами связей в первые века новой эры (после завершения ПС эпохи, но еще до распада ПТМ языковой общности).

Теоретически возможно следующее допущение — немаловажное с точки зрения этнической истории, но очень гипотетичное. Отдельные группы самодийцев (древние селькупы Приобья, северные самодийцы Енисея), возможно, были «захвачены» т.-ма. миграцион-

ными волнами, направленными из енисейско-прибайкальского региона на Дальний Восток, и вовлечены в этногенез «восточных» тунгусо-маньчжуров.

Такая гипотеза, в случае правильности, позволила бы объяснить, в частности, следующие относительно поздние заимствования:

1) эвен. *кэ́ндэ, кэ́ндэ* ‘нарта (оленья), олень (упряжной)’ — скорее из ПСС **kāntā* ‘нарта’, чем из более раннего ПС **kānsā* [60];

2) нан. *хорқо*, ульч. *хорқу*, сол. *хукку*, уд. *хуку* ‘веревка’. Фонетически затруднительно возведение этих слов к ПТМ форме, заимствованной из ПС **kurko(j)* ‘веревка’ (производное от **kurā-* ‘плести’). Скорее следует предполагать поздний сам. источник типа нен. *хурко* [61];

3) нан. *лунтоқо* ‘тапочки’, ср. (?) ПСС **lʷiptət* ‘меховые чулки’ (нен. *lʷipʷ*, эн. *lutuʷ*). Можно думать однако и об очень позднем заимствовании через русские диалекты Сибири [62];

4) нан. *тү́се́за* ‘ящерица’. Это слово явно напоминает сельк. *tüšj* ‘ящерица’ и заведомо не может отражать источник последнего — ПС **tānsā* [280]¹¹.

2.4. Особую группу составляют этимологии, которые отражают роль самодийцев как посредников между русскими и тунгусами.

Проникновение русских на крайний север Средней Сибири морем — по Мангазейскому морскому ходу — началось раньше, чем были достигнуты сухопутным путем ее центральная и южная части. Так, в низовьях Енисея русские промышленники из Поморья появились не позднее второй половины XVI в. (и вскоре начали подниматься до Нижней и Подкаменной Тунгусок), в то время как путь с

¹¹ Во всяком случае, налицо фактор незаурядной мобильности т.-ма. лексики, отнюдь не исключающий разнонаправленных векторов ее диффузии (отдаленной аналогией могут служить случаи проникновения русских диалектизмов с Камчатки в низовья Колымы и Индигирки — в противоход общему направлению диффузии старосибирской лексики с запада на восток, см. Аникин Эт. 1985). Весьма яркой является параллель (по-видимому, также указывающая на старые связи енисейско-прибайкальского и амурского регионов) между эвенк. *лоңзама* П-Т, Брг ‘серп луны’ П-Т, ‘первая четверть луны’ Брг и нивх. *лоңньлами* ‘полумесяц’ при *лоң* ‘луна’ и *ньлами* ‘половина’ (ТМС I: 504), которую А. М. Певнов (JSFOu 85, 1994: 132) интерпретирует как пример проникновения лексики из низовьев Амура в бассейн Подкаменной Тунгуски, — в конечном счете и как аргумент в пользу приамурской прародины тунгусо-маньчжуров. Не совсем понятны все же этимологическая прозрачность этой потенциально очень древней эвенкийско-нивхской параллели, а также конкретные хронотопические условия ее возникновения (допускающие, по-видимому, разные толкования).

Оби через Кеть в бассейн среднего течения Енисея (и лишь затем к его верховьям) был освоен только в XVII в. Это обстоятельство не учитывает этимология (Фасм. II: 20), предполагающая южносамодийский источник рус. *Енисей*. Рус. < др.-нен. < ПС < ПТМ [1].

В данном контексте заслуживают упоминания старые русские этнонимы *мангазейцы*, *малгонзеи* и т. п. (названия ненцев-моңганси, энцев-моггади), местные названия *Мангазея* и *Мангазейское море* 'Тазовская губа' [14] (Фасм. II: 576; Хел. 2000: 87, 351; Ан. 2000: 373—374). Из апеллятивной лексики в этой связи интересно рус. *сагудать* [189] — давнее (имевшее место, по-видимому, на ранних стадиях проникновения русских с Таза в низовья Енисея¹² и на Таймыр) заимствование из энецкого в рус. и параллельно в эвенк. К несколько более раннему времени относятся следы нган. влияния на северо-западные якутские говоры, имевшего место, видимо, еще до сложения долганской народности. Ср. гидроним *Понугай*, *Панугай* на этнической территории долган (название реки, впадающей с юга в Хатангский залив), соответствующий ст.-нган. **pa(a) bigaj* при нган. совр. *h^uaa bigaj* 'лесная река' (Хел. 2000: 322).

Давно установленным фактом является сам. происхождение слова, которым т.-ма. народы называют русских [146]. Не вызывает сомнения исходная соотнесенность этого слова с продвижением поморов по Мангазейскому морскому ходу — одному из трех путей русских за Урал — наряду с южным путем через Тобольск/Тюмень (после похода Ермака) и северным путем посуху в Югорскую землю, с чем коррелируют соответственно такие названия русских, как тюрк. (< рус.) *orus*, *urus* в языках юга Сибири и коми (< п.-фин.) *roć* >

¹² Ср. нен. *Луца'яха* = рус. *Русская река*, название правого притока Таза, использовавшегося первопроходцами для проникновения в бассейн Енисея. Этот путь проходил по еще одной *Русской реке* — правому притоку Турухана (Матв. 1997: 105; Аникин Изв. УрГУ 4, 2001: 118). Мангазейские промышленники поднимались и вверх по Енисею. Они дали названия *Нижней* и *Подкаменной Тунгускам* (правым притокам Енисея) и *Енисейску*, а возможно, и реке *Лена* и *Ленскому острогу* (предшественнику Якутска). Название Лены обычно объясняют, опираясь на данные сибирских языков. Может быть не случайной, однако, близость этого гидронима и старорусского прилагательного *леная* (< **lěnaja*, в форме женского рода) 'медлительная, ленивая' (ср. ЭССЯ 14: 210). Такое название (субстантивированное *Лена* < **лена(я)*) для Лены в принципе не подходит, но оно могло быть дано первопроходцами по контрасту с более стремительными реками, которые встречались им в Восточной Сибири (Аникин СФЖ 1, 2007).

манс. *русь*, хант. *руть*, сельк. *рушь* (Hel. 1997: 331, № 824; Хел. 2000: 351—352; Хелимский РЯНО 2(4), 2000: 78—70; Ан. 2000: 467—468; Аникин ГНС 4, 2002: 74).

Эвенк. *лұча* (*лōча* З, Тк) ‘русский’ распространилось во все т.-ма. языки (нан., маньчж. *лоча*, уд. *луса* и др.), а также в якут. (*луҕа*, *лūча*, *лūҕа* и т. п.) и др.

Источником эвенк. этнонима послужило нен. *lūca* ‘русский’ (Donner MSFOu 58, 1928: 367; Janhunen SEC 2, 1997: 160). Последнее восходит к др.-нен. **luđtsā* (на это указывают ранние заимствования в соседние сев.-сам. языки: эн. *luoʹta*, нган. *liūʹsa*), которое отражает п.-фин. **rōtsa*/**ruotsa* ‘скандинав, варяг’ (фин. *Ruotsi* ‘Швеция’, *ruotsalainen* ‘швед’) предположительно германско-скандинавского происхождения. Близкое п.-фин. **rōtsi* стало непосредственным источником для др.-рус. *русь*¹³. Ошибочным (в свете приведенной реконструкции) представляется толкование нен. *lūca* как заимствования из коми *roć* или хант., манс. *ruś* ‘русский’ (Donner MSFOu 58, 1928: 366; SKES: 876; Туркин СФУ 21, 1985: 196).

В известной мере «симметрична» судьба этнонима *тунгус*, распространившегося в русском и (из русского) в европейских языках. Среди многочисленных этимологических предположений, высказывавшихся в связи с этим этнонимом (см., например, Joki Stud. Karlgren 1959: 124—126; Фасм. IV: 120)¹⁴ решительной поддержки заслуживает гипотеза Ю. Янхунена о его нен. происхождении (Janhunen Mscr. 1974). С учетом того, что русские впервые проникли в район расселения эвенков именно с этнической территории ненцев и энцев (Meng. 1968a: 367), заимствование нен. *tunḡoʹ*, *tunḡuʹ* (Pl. *tunḡosʹ*, *tunḡusʹ*) ‘эвенк, тунгус’ в русский язык оказывается вполне естественным. Ранняя форма рус. *тынгусы* (1646 г., см. СлНРР: 286), встречающаяся также в английской передаче XVII в. в виде *tingussies*, *tingoosi*, выводится из нен. *tinkosʹ* (Хелимский РЯНО 2, 2002: 79)¹⁵.

¹³ См. Фасм. III: 522; Ан. 2003: 514 и особенно — с подробным изложением всего комплекса проблем, связанных с происхождением данного этнонима и анализом существующих публикаций — КБ: 293—309.

¹⁴ Совершенно невероятной должна быть признана до сих пор широко бытующая в литературе этимология, согласно которой этноним *тунгус* происходит из тюрк. *tonguz* ‘свинья’ (Фасм. IV: 120), с той мотивировкой, что эвенки занимаются свиноводством.

¹⁵ Мотив *дикого тунгуса* в известном стихотворении А. С. Пушкина, возможно, происходит от старых английских (западноевропейских) описаний «дикой страны тунгусов» (Ан. 2000: 566).